

В О Д А

... Нагло-лгущая о видимости вещей поверхность черного кафеля, расчерченная словно шоколад, канавками цемента. Поворот — и квадраты белые, это из детства: мерещатся рыбы, они наивно тычутся, неслышно мыча, в позеленевшие стекла аквариума, что присосался к стене в рыном магазине. ... Поворот — и старуха: голова, как палец в зефир, воткнулась в лепешку барета.

— Молодой человек, который теперь час? — Интересуется речью скорой, взволнованно. Что такое? Сколько она тут ма-ется?

— Семнадцать минут девятого, — повторяю следом за зре-нием, не спеша, стараясь поделить спокойствием.

— Сколько? — Оттопыривает лепестки платка.

— Семнадцать, — громче.

— Спасибо, — и снова: — Спасибо большое.

Пускаюсь странствовать по залам, имея целью проникно-вление в "класс" раньше открытия, то есть сейчас же, молни-еносно, отсылав мелочь в ладонь банщику.

На пути, видимо, одногодок. Спрашиваю, где душ, де-люсь планом. "Ага" — заячья улыбка, и кутается в глазиро-ванные голубыми плитками колонны.

Второй этаж. Третий. Здесь нет. Спускаюсь. Женщина с ведром и шваброй под мышкой.

— Скажите, где душ? — Немного устале.

— Рядом с женским. Там. — Жест — и следую по угасающей зеленой траектории.

В отделении никого. Из малоосвещенного угла насторо-женно вытаращились весы, напомнив быка.

— Вы что тут ищите? — Армянин в ватнике.

— Благодарю, уже отыскал. — Освобождаю пространство.

— Открываем в девять. — В спину. — Не раньше.

Уже понял. --

Пенсионерка по-прежнему присутствует в вестибюле и снова, лица взором сочувствия: "Какой сквозняк!"

— Вчера обегала восемь бань — закрыты. Вот так безобразия. — Новая героиня с перекошенным лицом, отчего глаз, который выпучен ассиметрией, имеет вид напряженно слушающий.

Группа работников бани. Вид их утомленный. Они — пили.

Гуськом заходят трое. Хромой с расквашенной физиономией, представленной, будто немного чиненный гранат. Однорукий с сеткой: в ней, как можно угадать, несмотря на призывные спутать обмотки из газет, бутылка. Третий юн и полноценен на вид, но согласен вычеркнуть сочиненное, услышав: "А-павва-бу..."

Отряд (назовем их так) шествует к питьевым автоматам. После имитации утоления жажды реквизируются стаканы. Действующие лица затеваются в нише.

Те же и армянин в телогрейке.

— Что вам здесь? — Не слишком зычно, а именно вопросительно, чтобы угадать, с кем столкнулся.

— Э-ме... Да... — Вялость ответа награждает уверенностью.

— Сейчас же кыш отсюда! — Это — наступление. — Убирайтесь!

Каждый, минуя автомат, покорно возвращает посуду.

Расстояние от скамьи до кассы преодолено за две секунды. Старухи осмелят, скажем, за десять. Однако, без двадцати начинают отдиравать себя от лакированной когда-то доски и выстраиваются. Первая, придерживая берет, нагибается, заглядывая внутрь кассы. Совершает она все медленно, можно бы предположить — театрально. Вслед за ней склоняются остальные.

— Что, старая? — Растягивается в одну сторону перекошенный лик. Любопытная пугается. Не сохранив равновесия, роняет палку, после — сумку. Кассирша невозмутимо стучит и хрустит за фанерным щитом.

— Я раньше не начну! — Кричит вдруг неистово.

Рябая рука как ножка гриба или тело мелко-пятнистой ящерицы выползает на треск светильника. Пальцы раздвигаются. Обнажается медь. Мужик не стар, как прочие, но оттого почему-то еще более убог в шеренге прижавших кошелки и веники.

Старцы устремятся, наверняка, в общий. Мне думается: начну придушивать их, если очутятся поодаль и степенно начнут соскабливать длинющие бледно-салатные майки и фосфоресцирующие изношенным телом кальсоны, разматывать бинты на ногах, схожих с пнями, и что-то мямлить о том, как у них все складно получалось.

Попадаю в "класс". Тревожная потребность заглянуть в душевные, хотя знаю, никого там нет. Распахиваю дверь. Пусто. Раздеваюсь.

Появляется банщик.

— Извини, что не пустил. Администратор говеный. — Рас-
тасовывает тюки с бельем...

— Армянчик? — Уменьшаю-нацию-для лучшего-контакта.

— Да-а-а, — тянет, пытаюсь настроиться на мою, кстати, фальшивую, ноту. — Баба есть. Евремчка. Та нормальная. — И уже совершенно-по-свойски, выражая комплекс, могущий охватить и меня (как знать?), выдыхает — Жить можно.

Я очень-очень быстро обнажаюсь.

— А этот везде суется — не нажился ли на ком. Смешно. — Банщик вроде бы безмятежно затыгивается. — А зачем мне это надо? ..

Ноги ступают по осенней листве керамики. До упора разматываю систему кранов.

Вода!

.....
.....